

включены в университетский курс как пример источниковедческого анализа, позволяющий показать происхождение исторического знания и границы доказательности научной интерпретации.

Ключевые слова: Новая история Казахстана, И.В. Ерофеева, источниковедение, эпистолярные источники, университетское преподавание истории.

Г.М. Ахметова *

¹ тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор,
С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті, Қазақстан, Өскемен.

E-mail: gulzh.akhm@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0000-8652-331X>

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЖАҢА ТАРИХЫН ОҚЫТУДАҒЫ И. В. ЕРОФЕЕВАНЫҢ ҒЫЛЫМИ МҰРАСЫНЫҢ ДЕРЕКТАНУЛЫҚ ӘЛЕУЕТІ

Аңдатпа

Мақалада И.В. Ерофееваның ғылыми мұрасының Қазақстанның жаңа тарихын жоғары оқу орнында оқытудағы деректанулық әлеуеті қарастырылады. Зерттеудің мақсаты — зерттеуші қолданған әртекті тарихи деректерді сын тұрғысынан талдау және өзара тексеру тәсілдерін жүйелеу, сондай-ақ оларды XVIII ғасырдан XIX ғасырдың ортасына дейінгі саяси және әлеуметтік-экономикалық тарихты зерделеуде пайдалану мүмкіндіктерін айқындау. Деректік базаны эпистолярлық мұраға, саяси өмірбаяндық зерттеулерге, көшпелі шаруашылыққа, саудаға, топонимикаға және мәртебе мен биліктің материалдық белгілеріне арналған монографиялар, археографиялық жарияланымдар, ғылыми мақалалар мен ұжымдық басылымдар құрады. Зерттеуде деректанулық, тарихнамалық, тарихи-салыстырмалы және проблемалық-хронологиялық әдістер, сондай-ақ сериялық, формулярлық және просопографиялық талдау қолданылды. И.В. Ерофееваның еңбектерін салыстыра талдау тарихи айғақтармен жұмыс істеудің бірізді тәртібін айқындайды: құжаттың шығу тегі мен ресімдік белгілерін анықтау, түпнұсқаны сол кезеңде жасалған аудармамен салыстыру, ондағы мәліметтерді әкімшілік, топонимиялық, заттай және визуалды материалдар негізінде тексеру және соның нәтижесінде тарихи қорытынды тұжырымдау. Бұл үдерісте құжаттарды атрибуциялау, олардың мерзімін нақтылау және тарихи тұлғалардың мәлімделген саяси мәртебесін бағалау үшін пайдаланылған сол кезеңдегі аудармалар, мөрлер мен факсимилелердің маңызы ерекше. Әртекті айғақтарды өзара салыстыру қамқорлық пен бодандық ұғымдарының түсіндірілуіндегі айырмашылықтарды, хан атағы мен нақты саяси ықпалдың арақатынасын, саяси беделдің көшіп-қонумен, саудамен және ресурстарға қолжетімділікпен байланысын, сондай-ақ қоғамдық мәртебенің әулеттік, қызметтік және экономикалық негіздерінің өзара ұштасуын нақтылайды. Зерттеудің ғылыми жаңалығы деректанулық сыннан тарихи қорытындыға өтудің өзара сабақтас бірізділігін қайта құрудан тұрады. И.В. Ерофееваның еңбектері негізінде айқындалған тәсілдер тарихи білімнің қалай қалыптасатынын және ғылыми түсіндірудің дәлелділік шектерін көрсетуге мүмкіндік беретін деректанулық талдау үлгісі ретінде университеттік курс мазмұнына енгізілуі мүмкін.

Кілт сөздер: Қазақстанның жаңа тарихы, И.В. Ерофеева, деректану, эпистолярлық деректер, университетте тарихты оқыту.

G.M. Akhmetova *

¹ *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, S. Amanzholov East Kazakhstan University, Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk.*

E-mail: gulzh.akhm@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0000-8652-331X>

THE SOURCE-CRITICAL POTENTIAL OF I. V. EROFEEVA'S SCHOLARLY LEGACY IN TEACHING THE MODERN HISTORY OF KAZAKHSTAN

Abstract

The article examines the source-critical potential of I. V. Erofeeva's scholarly legacy for teaching the modern history of Kazakhstan at the university level. The aim of the study is to systematize the methods of source criticism and cross-checking of heterogeneous historical sources employed by the researcher and to identify their potential for studying the political and socio-economic history of Kazakhstan from the eighteenth to the mid-nineteenth century. The source base comprises monographs, archaeographic publications, scholarly articles, and edited volumes devoted to epistolary heritage, political biography, nomadic economy, trade, toponymy, and material markers of status and power. The study employs source-critical, historiographical, comparative-historical, and problem-chronological methods, as well as serial, formulary, and prosopographical analysis. A comparison of I. V. Erofeeva's works reveals a consistent procedure for working with historical evidence: establishing the provenance and formal features of a document, comparing the original with a contemporary translation, verifying its contents against administrative, toponymic, material, and visual evidence, and subsequently formulating a historical conclusion. Contemporary translations, seals, and facsimiles are particularly important within this procedure, as they were used to attribute documents, refine their dating, and assess the claimed political status of historical actors. The comparison of heterogeneous evidence clarifies differences in the interpretation of political protection and subjecthood, the relationship between the title of khan and actual political influence, the connection between political authority and mobility, trade, and access to resources, as well as the combination of dynastic, official, and economic foundations of social status. The original contribution of the study lies in reconstructing the interconnected sequence through which source criticism leads to a historical conclusion. The analytical procedures reconstructed from I. V. Erofeeva's works may be incorporated into university teaching as an example of source-critical analysis that demonstrates how historical knowledge is produced and identifies the evidentiary limits of scholarly interpretation.

Key words: modern history of Kazakhstan, I. V. Erofeeva, source criticism, epistolary sources, university history teaching.

Введение. Изучение политической и социально-экономической истории Казахстана XVIII — середины XIX века в университетском курсе предполагает обращение не только к историографическим обобщениям, но и к источникам, на основании которых эти обобщения сформулированы. Это особенно существенно при рассмотрении российско-казахских отношений, ханской власти, административных преобразований, кочевого хозяйства, торговли и социальной структуры степного общества. Российская административная документация и свидетельства внешних наблюдателей фиксировали происходившие в степи процессы преимущественно с позиции учреждений и лиц, создававших эти материалы. Ханы, султаны и представители родовых объединений в таких документах нередко становились объектами административного описания и дипломатического взаимодействия. Публикация письменных памятников местного происхождения дала возможность сопоставить этот взгляд с позициями самих участников политической коммуникации. Однако происхождение документа само по себе не определяет степень его достоверности. Дипломатические письма, их переводы, служебные донесения,

путевые записки, карты, печати и вещественные памятники требуют анализа с учётом обстоятельств создания, назначения, языка, адресата, переводческой практики и условий сохранения.

Для настоящего исследования труды И.В. Ерофеевой важны прежде всего как пример последовательной работы с разными типами исторических свидетельств. Значительная часть её исследований была связана с выявлением, публикацией и сопоставлением новых документальных комплексов. Исследовательница обращала внимание на происхождение документа, его авторство, язык, адресата, время и обстоятельства создания и критиковала исторические построения, в которых документальная проверка подменялась героико-мифологической интерпретацией прошлого [1]. Такой подход особенно отчётливо проявился в работе с перепиской казахской правящей элиты, административными материалами, сведениями путешественников, топонимическими данными и вещественными памятниками.

Археографическая деятельность И.В. Ерофеевой, её исследования ханской власти, политической биографики и наследственной элиты получили отражение в историографической литературе [15–19; 21]. Вместе с тем применявшиеся ею исследовательские приёмы обычно рассматриваются применительно к отдельным темам или публикациям. Менее изученным остаётся их взаимное сочетание: серийное чтение корреспонденции, анализ дипломатического формуляра, сопоставление оригинала и современного ему перевода, изучение титулатуры, печатей, мест составления документов и состава адресатов. Рассмотрение этих операций в совокупности позволяет проследить, каким образом критика отдельного документа переходила в выводы о пределах ханской власти, понимании покровительства и подданства, хозяйственных основаниях политических решений и изменении положения степной элиты в условиях расширения имперского административного присутствия.

Преподавательский аспект в настоящем исследовании ограничен отбором исторического содержания и организацией работы студентов с источниками; педагогическая эффективность предложенного подхода специально не оценивается. Труды И. В. Ерофеевой рассматриваются как материал, на котором можно показать последовательность исследовательской работы: постановку исторического вопроса, установление происхождения документа, оценку содержащихся в нём сведений, их проверку по другим свидетельствам и формулирование аргументированного заключения. Тем самым в университетском курсе внимание переносится с усвоения готового вывода на понимание того, каким образом этот вывод получает источниковое обоснование.

Цель статьи — раскрыть источниковедческий потенциал научного наследия И.В. Ерофеевой в преподавании Новой истории Казахстана. Для этого рассматриваются использованные исследовательницей документальные комплексы и способы их критики, прослеживается применение серийного и сравнительного анализа, систематизируются полученные на этой основе выводы о ханской власти, кочевом хозяйстве, социальной структуре, административных преобразованиях и материальных признаках статуса. Отдельная задача состоит в определении того, какие элементы этой исследовательской практики могут быть включены в работу с историческими источниками в университетском курсе.

Новизна работы связана с тем, что используемые И.В. Ерофеевой приёмы рассматриваются не изолированно, а как взаимосвязанная последовательность исследовательских операций: от установления происхождения и формальных признаков документа к сопоставлению эпистолярных, административных, нарративных, топонимических, вещественных и визуальных свидетельств и далее — к историческому заключению. В статье эта последовательность рассматривается как аналитическая схема изучения политической и социально-экономической истории Казахстана XVIII — середины XIX века.

Материалы и методы. Основной корпус исследования составили тринадцать научных работ и изданий, подготовленных И. В. Ерофеевой как автором, составителем или редактором [1–13]. Для характеристики её позиции по вопросам документальной доказательности и исторической интерпретации дополнительно использована коллективная монография «Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана» [14].

В корпус включались работы, соответствующие хронологическим и проблемным границам Новой истории Казахстана и содержащие самостоятельную работу с историческими источниками. Учитывались публикации, в которых И. В. Ерофеева выступала автором, составителем или редактором и в которых политические события рассматривались во взаимосвязи с хозяйственными, социальными, пространственными и культурными процессами. Не включались краткие информационные и мемориальные тексты, повторные публикации ранее сформулированных положений, а также издания, не связанные с выявлением, публикацией, систематизацией или интерпретацией исторических источников.

Единицей анализа была исследовательская процедура, связывающая конкретный документ с историческим выводом. Для каждой такой процедуры определялись вид источника, способ его критики, привлекаемые для проверки свидетельства, исторический вопрос, решавшийся на их основе, и границы допустимого обобщения. Сопоставление этих характеристик позволило выделить пять взаимосвязанных направлений анализа: эпистолярное, социально-экономическое, пространственное, социально-политическое и материально-визуальное.

Исследование опирается на принципы историзма, системности, источниковой критики. Отдельное внимание уделяется проверяемости аргументации. Источниковедческий анализ применялся при установлении происхождения, авторства, адресата, назначения и обстоятельств создания документов. Историографический анализ использовался для определения места трудов И.В. Ерофеевой в изучении истории Казахстана и выявления тех сторон её исследовательской практики, которые в рассмотренной литературе получили менее систематическое освещение. Эпистолярные материалы сопоставлялись с российской административной документацией, свидетельствами внешних наблюдателей, а также с вещественными и визуальными источниками с применением историко-сравнительного и проблемно-хронологического методов.

Опубликованные письма рассматривались с учётом их официально-личного характера. Они фиксировали позицию участника политического взаимодействия, но одновременно создавались для конкретного адресата и преследовали практическую цель. Просьба, объяснение, заверение в верности или сообщение об угрозе могли содержать элементы самопрезентации, убеждения и оправдания. Поэтому в настоящем исследовании письмо рассматривалось одновременно как свидетельство о событии и как политическое действие, рассчитанное на определённую реакцию адресата [2, т. 1, с. 9].

Серийное сопоставление писем одного автора использовалось для выявления устойчивых политических позиций, изменений аргументации и различий в обращениях к нескольким внешним центрам. При формулярном анализе учитывалась выделенная И.В. Ерофеевой структура документа: начальный протокол, повествовательная часть и конечный протокол [2, т. 1, с. 36]. Анализировались титулатура, обозначение адресата, приветственные и заключительные формулы, а также последовательность изложения просьбы или сообщения. Эти признаки сопоставлялись с просопографическими сведениями о происхождении корреспондента, его политических связях, составе адресатов и географии переписки. Такое сопоставление позволяло соотнести заявленный титул с фактическим объёмом политического влияния исторического лица.

Работа проводилась по опубликованным текстам, факсимиле и археографическим комментариям. Самостоятельное исследование оригиналов с применением палеографических, сфрагистических, материаловедческих и филологических методов не осуществлялось. Поэтому сведения о бумаге, письменных принадлежностях, печатях, внешнем оформлении документов и расхождении между оригиналами и синхронными переводами рассматриваются в пределах данных, опубликованных И.В. Ерофеевой.

Возможности использования её наследия в университетском курсе определялись через соотношение исторической проблемы, комплекса источников и процедуры их проверки. Оценивалась не педагогическая эффективность, а содержательный и источниковедческий потенциал материалов: возможность проследить, на каких источниках и процедурах проверки

основан исторический вывод, чем подтверждается его аргументация и где проходят границы допустимой интерпретации.

Результаты. Подготовленный и опубликованный при непосредственном участии И.В. Ерофеевой корпус писем казахской правящей элиты расширил документальную базу изучения политической истории XVIII — начала XIX века [2]. Наряду с российской административной документацией исследователь получил доступ к текстам, в которых сами участники политических контактов формулировали требования, объясняли принятые решения, просили о военной или экономической поддержке и обращались к нескольким внешним центрам. В этой переписке ханы, султаны и представители их окружения выступают не только объектами административного описания, но и участниками переговоров, самостоятельно определявшими содержание и аргументацию своих обращений.

Сопоставление опубликованных оригиналов с русскими переводами, выполненными в период создания документов, обнаруживает расхождения, значимые для их исторической интерпретации. Сокращения, пропуски и выбор русских соответствий для многозначных понятий степной дипломатии могли изменять политико-правовой смысл обращения [2, т. 1, с. 31–36, 65–68]. Поэтому перевод в данном случае нельзя автоматически принимать за эквивалент исходного текста: его необходимо рассматривать вместе с оригиналом и археографическим комментарием.

Корреспонденция Бопай-ханым расширяет представление о круге участников политической коммуникации. Её письма показывают, что женщина правящего дома могла поддерживать собственные каналы переписки, участвовать в переговорах и выбирать аргументацию с учётом положения адресата [2, т. 1, с. 137–166]. Эти материалы не дают основания распространять такую практику на всю династическую среду, однако свидетельствуют, что дипломатическая коммуникация не ограничивалась мужчинами, обладавшими формальными политическими титулами.

Сопоставление казахской корреспонденции с российским делопроизводством выявляет различия в употреблении политико-правовых понятий, связанных с верностью, службой, покровительством и подданством. Российские пограничные учреждения стремились закреплять отношения с казахскими правителями в категориях постоянного подданства и административной юрисдикции. В обращениях ханов и султанов признание старшинства внешнего покровителя могло сочетаться с ожиданием военной помощи и защиты и при этом не исключало самостоятельных решений и контактов с другими политическими центрами [2; 3]. Поэтому значение конкретной дипломатической формулы определяется не самим употреблённым словом, а адресатом, обстоятельствами обращения, содержанием просьбы и последующими действиями корреспондента.

Наиболее отчётливо эта проблема проявляется в интерпретации политики Абулхаира. В монографии И.В. Ерофеевой его решения рассматриваются в связи с джунгарской угрозой, внутриэлитным соперничеством, защитой кочевий и необходимостью поддерживать торговые связи [3]. Обращение к российской стороне в такой трактовке не сводится ни к заранее определённой «присоединению», ни к объяснению поведения хана исключительно личными амбициями. Политические последствия его решений зависели от действий российских учреждений, позиции родовых объединений и соперничества внутри династии. Этот материал показывает, как сопоставление нескольких групп свидетельств позволяет перейти от содержания отдельного дипломатического обращения к реконструкции политической стратегии.

Материалы опубликованной переписки показывают, что ханский титул сам по себе не создавал устойчивой административной вертикали. Чингизидское происхождение служило основанием для притязаний на политическое лидерство, но не обеспечивало полного контроля над родовыми объединениями. Реальный объём влияния зависел от военной репутации правителя, поддержки сторонников, его посреднических возможностей и способности обеспечивать безопасность. Упоминания о неподчинении, переходе отдельных групп к другим

правителям и переговорах с биями, батырами и старшинами свидетельствуют о необходимости постоянного согласования интересов [2; 3]. В рамках настоящего анализа совокупность этих признаков позволяет характеризовать ханскую власть как полицентричную: титул давал основание претендовать на политическое первенство, тогда как фактический объём полномочий зависел от признания и практических возможностей конкретного правителя.

Политические обращения нередко были непосредственно связаны с хозяйственными вопросами. В письмах упоминаются зимние и летние пастбища, маршруты перекочёвок, водные источники, пограничные ограничения, угон скота и возвращение пленных [2]. Эти сведения не образуют хозяйственной статистики, но показывают материальные обстоятельства дипломатических обращений. Утрата зимовки, ограничение доступа к маршруту, потеря скота или людей могли нарушать хозяйственный цикл и снижать устойчивость объединения. Поэтому политическое влияние правителя проявлялось, в частности, в его способности добиваться доступа к пастбищам, возвращения имущества и обеспечения безопасного перемещения.

Письма о караванной торговле, разрешениях на проезд и поручительствах показывают, насколько обмен зависел от политических гарантий. Маршруты проходили через территории разных объединений, поэтому безопасность людей и товаров требовала договорённостей с местными лидерами. Послание правителя могло удостоверять личность или полномочия купца, подтверждать разрешение на проезд либо обязательство обеспечить безопасность каравана [2]. В переписке Абулхаира, например, зафиксированы обязательства по безопасному пропуску купцов через территории групп, признававших его авторитет [3, с. 202]. Возможность обеспечить выполнение таких договорённостей была одним из практических проявлений политического влияния.

С политическими отношениями были связаны также дары и пожалования — лошади, оружие, ткани, меха и денежные выплаты. В материалах, рассмотренных И.В. Ерофеевой, они выступают как знаки признания, вознаграждение за службу и средство поддержания союзных отношений [2; 3]. Полученные от внешних политических центров ресурсы могли перераспределяться среди сторонников и тем самым поддерживать их лояльность и положение правителя внутри объединения.

При интерпретации переписки необходимо учитывать её адресный характер. Авторы рассчитывали на определённую реакцию получателя и могли акцентировать сведения об угрозе, потерях или числе сторонников. Кроме того, опубликованный корпус отражает прежде всего позицию правящей элиты, тогда как опыт рядовых скотоводов и зависимых групп представлен преимущественно косвенно. Для проверки отдельных сообщений в публикациях И.В. Ерофеевой сопоставляются исходящая и ответная корреспонденция, административные документы и сведения о последующем развитии событий [2]. Такое сопоставление позволяет определить пределы, в которых содержание отдельного письма может использоваться для исторического обобщения.

В социально-экономических исследованиях И.В. Ерофеевой кочевое хозяйство казахского общества XVIII — середины XIX века рассматривается как форма хозяйственного освоения природной среды, основанная на сезонном перемещении людей и стад. Хозяйственный цикл зависел от состояния пастбищ, наличия воды, протяжённости переходов и возможности сохранить скот и имущество при смене стоянок [4, с. 191]. Эти условия влияли на размещение аулов, характер хозяйственной кооперации и возможности поддержания политических связей между территориально разобщёнными группами.

Сезонные перемещения определялись хозяйственными потребностями и сложившимися маршрутами. В опубликованной переписке упоминаются зимовки, летние ставки, речные долины, урочища и переходы, связывавшие отдельных правителей с группами, признававшими их авторитет [2, т. 1, с. 64]. Повторение одних и тех же географических названий в документах указывает на относительную устойчивость пространственной структуры кочеваний. В неё входили используемые пастбищные участки, водные источники и соединявшие их сезонные

пути. Доступ к этим территориям зависел от сложившейся практики пользования, договорённостей с соседними объединениями и возможности защищать хозяйственные ресурсы [4; 9].

Историческая топонимика дополняет сведения о пространственной организации хозяйства. Географические названия сохраняли информацию о маршрутах, родовых территориях, событиях и связанных с ними политических деятелях. Одновременно часть топонимов отражала практические свойства местности — наличие воды, качество пастбищ и возможность их сезонного использования [9, с. 68]. Значение имеют и местные термины, встречающиеся в переписке: обозначения природных объектов, хозяйственных действий и общественных отношений не всегда имели прямые соответствия в русских переводах того времени [2, т. 1, с. 68]. Поэтому топонимические и лексические данные служат дополнительным средством уточнения содержания документа.

Одной из основных хозяйственных единиц была аульная группа, объединявшая несколько домохозяйств для организации перекочёвки, выпаса, охраны стад и распределения работ. И.В. Ерофеева разграничивала род как социально-генеалогическую общность и аул как более изменчивое хозяйственное объединение, состав которого зависел от сезона, численности скота и конкретных производственных задач [4, с. 188]. Такое разграничение показывает, что генеалогическая принадлежность и повседневная хозяйственная кооперация совпадали не полностью.

Состав и численность хозяйственных объединений менялись в зависимости от сезона. По данным И.В. Ерофеевой, минимальная зимняя община могла включать пять-шесть хозяйств, совместно организовывавших выпас и содержание зимней отары. В летний период объединение домохозяйств в большей степени зависело от необходимости совместного использования водных источников. Более устойчивой формой была пастбищно-кочевая община, в рамках которой согласовывались маршруты, пользование пастбищами и водой и разрешались возникавшие хозяйственные споры [4, с. 193]. Таким образом, мобильность представляла собой не перемещение отдельных семей само по себе, а сезонно изменяющуюся систему хозяйственной кооперации.

В периоды джута, засухи и военных столкновений устойчивость кочевого хозяйства во многом зависела от возможности изменить маршрут, использовать резервные пастбища, получить помощь родственников или восполнить потери посредством обмена. Пограничные линии, сокращение доступных угодий и административные ограничения сужали выбор таких решений [4, с. 199]. Поэтому изменение территориального режима затрагивало не только передвижение кочевых групп, но и хозяйственные механизмы, позволявшие им восстанавливаться после природных и военных потрясений.

Эпистолярные и генеалогические материалы, привлечённые И.В. Ерофеевой, показывают, что хан занимал высшее положение в династической системе, однако наличие титула не обеспечивало постоянного контроля над родовыми объединениями. Реальный объём влияния зависел от числа сторонников, территории влияния, военной репутации и способности выполнять обязательства перед группами, признававшими лидерство правителя [2; 3; 6]. В совокупности эти признаки подтверждают сделанный выше вывод о несовпадении формального статуса и фактического объёма политической власти.

Соотношение титула и реального политического положения особенно заметно в дипломатической титулатуре. В анализе формул, использовавшихся 27 ханами конца XVII — первой четверти XIX века, И.В. Ерофеева выделила краткие и развёрнутые варианты: «главный хан», «хан всех казахов», «хан Среднего жуза», «хан части родов» и другие [2, т. 1, с. 44–50]. Сопоставление интитуляции — титульной формулы автора — с обращением к адресату позволяет установить положение, которое корреспонденты приписывали себе и друг другу в конкретной системе отношений [2, т. 1, с. 36]. Наличие одновременно нескольких носителей ханского титула показывает, что притязание на политическое первенство нуждалось в признании со стороны влиятельных объединений и не определялось одним лишь династическим происхождением.

Практические пределы ханской власти проявлялись и в повседневной организации управления. Рассредоточенность аулов и значительные расстояния между сезонными стоянками затрудняли оперативный контроль. Приведённые И.В. Ерофеевой высказывания Абулхаира и Абылая о невозможности быстро разыскать нарушителей в «широкой» степи показывают ограниченность распорядительных возможностей правителя [2, т. 1, с. 55]. Поэтому поддержание власти во многом зависело от персональных связей с султанами, биями, батырами и родовыми старшинами. Их поддержка была связана со способностью хана защищать кочевья, посредничать в конфликтах, обеспечивать безопасность торговли и распределять полученные извне ресурсы [2; 3].

Династическое происхождение не было единственным основанием общественного авторитета. Положение бия определялось знанием обычного права, ораторским мастерством и признанием его посреднических качеств [7, с. 97], тогда как авторитет батыра основывался прежде всего на военной репутации и способности организовать защиту и привлечь сторонников. Количественные данные И.В. Ерофеевой позволяют конкретизировать место батыров в политической организации степного общества: из 67 родоплеменных подразделений трёх жузов, зафиксированных на рубеже XVIII–XIX веков, 25, или около 37,3 %, возглавляли батыры [7, с. 98]. Это не свидетельствует о существовании единой системы военного управления, но показывает, что военная репутация могла служить основанием устойчивого политического влияния. Родовые старшины и аксакалы представляли интересы локальных групп, участвовали в согласовании перекочёвок и разрешении хозяйственных споров; их авторитет связывался с жизненным опытом, знанием пастбищных маршрутов и практической компетентностью [4, с. 195]. Представители группы кожа и другие носители религиозного знания выполняли духовные, образовательные и посреднические функции [7, с. 95].

Социальная дифференциация включала и отношения служебной зависимости: тюленгуты и другие зависимые категории выполняли при ханских и султанских дворах хозяйственные, служебные и военные функции [4, с. 200]. В целом материалы показывают, что общественное положение определялось сочетанием династического происхождения, имущественных возможностей, военной репутации, правовой компетентности, родственных связей и локального признания. Поэтому формальный титул не исчерпывал фактического влияния: устойчивость политического авторитета зависела также от поддержки соответствующих групп, выполнения обязательств перед ними и способности представлять их интересы во внешних отношениях.

В трудах И.В. Ерофеевой прослеживается усиление административного оформления отношений казахской элиты с российской властью. Утверждение отдельных ханов и султанов российскими властями, назначение жалования, выдача грамот, печатей и знаков отличия представляли их владельцам дополнительные служебные и политические ресурсы, но одновременно усиливали зависимость их официального положения от решений пограничной администрации [4, с. 188]. После ликвидации ханской власти часть чингизидов была включена в систему окружного и дистанционного управления. Династическое происхождение сохраняло значение, однако теперь сочеталось со служебным рангом, назначением на должность и административной подотчётностью [7, с. 95]. При этом местное признание и персональные связи продолжали влиять на фактическое положение представителей степной элиты.

Сопоставление служебного положения с данными о реальном влиянии показывает, что административный ранг и общественный авторитет совпадали не всегда [2]. Назначенный администрацией султан мог не обладать достаточной поддержкой группы, интересы которой он должен был представлять. В то же время би или родовой старшина, не занимавший высокой официальной должности, мог сохранять заметное влияние благодаря местному признанию, знанию родственных связей, маршрутов кочеваний и норм обычного права. Поэтому введение новых административных должностей не означало автоматического исчезновения прежних механизмов политического посредничества.

Административно-территориальные преобразования меняли не только систему управления, но и условия ведения кочевого хозяйства. Создание округов, дистанций и пограничных линий облегчало административный учёт населения и распределение повинностей, одновременно влияя на доступ к зимовкам, водным источникам и резервным пастбищам [7, с. 96]. Последствия

этих изменений были неодинаковыми и зависели от расположения кочевий по отношению к укреплениям, городам, торговым путям и новым административным границам. В одних случаях сокращались возможности сезонного перемещения и использования привычных угодий, в других близость к торговым и административным центрам открывала дополнительные возможности обмена. Поэтому хозяйственные последствия расширения российского административного присутствия в степи нельзя свести ни к единообразному упадку, ни к последовательной модернизации.

Пограничные города, укрепления и ярмарки постепенно становились центрами регионального обмена. Спрос гарнизонов и городского населения создавал рынок сбыта для скота, сырья и транспортных услуг, тогда как в степь поступали продукция земледелия, ремесла и привозные товары. Наиболее интенсивные товарно-денежные связи складывались в районах, расположенных вблизи городов, транспортных путей и ярмарок [8, с. 121]. И.В. Ерофеева выделяла две функции ярмарочной торговли — концентрацию товаров и их последующую реализацию; размещение крупных торговых площадок на пересечении дорог подчёркивало значение транспортной доступности [8, с. 130]. Ярмарки связывали производителей, посредников и городские рынки, однако возможности участия в торговле зависели от наличия капитала, транспорта, кредита, грамотности, знания языков и контактов с администрацией. Поэтому расширение обмена открывало дополнительные возможности накопления и укрепления общественного положения, но доступ к ним оставался территориально и социально неравномерным.

Отдельное значение имели писари и переводчики, обеспечивавшие письменную коммуникацию между степными правителями и пограничной администрацией. При дворах казахских правителей действовали писари, владевшие чагатайско-тюркской письменной традицией, русским языком, дипломатической лексикой и канцелярским формуляром [2, т. 1, с. 31–33]. Для российских пограничных учреждений переводчиков готовили в специальных учебных заведениях, в том числе в школе татарских учеников при Оренбургской комиссии и Омской азиатской школе [2, т. 1, с. 65–68]. Владение языками и делопроизводством могло расширять возможности служебного продвижения. При этом переводчик не только передавал содержание исходного текста: выбор русского эквивалента мог изменять политико-правовой оттенок обращения и придавать формуле покровительства смысл, более близкий к административному пониманию подданства.

Изменения в административной и торговой среде расширяли круг факторов, влиявших на общественное положение. Династическое происхождение, военная репутация, богатство и местное признание сохраняли значение, но наряду с ними возрастала роль должности, жалования, торгового капитала, грамотности и доступа к делопроизводству. Их сочетание зависело от территории, характера хозяйственной деятельности и включённости человека в административные или торговые связи. Рассмотренные материалы поэтому указывают не на равномерное расширение возможностей социальной мобильности, а на появление дополнительных путей изменения общественного положения, доступных разным группам в неодинаковой степени.

В трудах И.В. Ерофеевой вещественные и визуальные свидетельства используются наряду с письменными источниками для изучения политической и социальной истории. Бумага, письменные принадлежности и печати привлекались при атрибуции и датировке документов, а одежда, оружие, награды и изображения — при характеристике общественного положения и публичных форм выражения статуса [10; 12; 13]. Согласно археографическому описанию эпистолярного корпуса, до 1730-х годов чаще использовалась бумага из Хивы, Ташкента и Бухары, позднее увеличилась доля российской бумаги, различавшейся по водяным знакам [2, т. 1, с. 29]. Наряду с тростниковым каламом применялись птичьи, а позднее металлические перья, что отражает постепенное изменение письменной практики.

Особое значение имели ханские и султанские печати. Имя, титул, генеалогические сведения и религиозные формулы в их легендах использовались при атрибуции документа и фиксировали заявленный статус владельца [10; 12]. Смена султанской печати на ханскую могла служить дополнительным признаком датировки и изменения статуса, однако сам титул не свидетельствовал о фактическом объёме власти и требовал сопоставления с кругом адресатов, географией

переписки и сведениями о сторонниках [2; 12]. Дополнительным признаком социальной принадлежности была форма перстня-печати: каплевидные образцы связывались преимущественно с правящей элитой, круглые — с коза, овальные, грушевидные и квадратные встречались у старшин и батыров [12, с. 654]. При этом форма печати не могла использоваться изолированно и требовала проверки по титулатуре, происхождению документа и биографическим данным.

В конце XVIII — первой половине XIX века российские пограничные учреждения использовали в отношениях со степной элитой грамоты, печати, жалованное оружие, парадные кафтаны и другие знаки отличия [10, с. 131]. Эти предметы одновременно фиксировали связь с российской администрацией и приобретали статусное значение внутри степного общества. И.В. Ерофеева и Э.Р. Усманова подчёркивали историческую изменчивость внешних признаков статуса [12]: костюм, вооружение и способы публичного представления менялись под воздействием торговли, дипломатических контактов, военной службы и наградной практики. Поэтому поздние этнографические образцы и изображения, созданные не с натуры, требуют осторожного использования при реконструкции внешнего облика элиты XVIII — начала XIX века.

Совместное использование материальных и визуальных свидетельств представлено в «Историко-культурном атласе казахского народа» [6] и опубликованных факсимиле писем [2], позволяющих соотносить предмет, текст и печати с конкретным временем и пространством. В настоящем исследовании эти признаки рассматриваются только в пределах опубликованных описаний и факсимиле. Материальные свидетельства дополняют письменные данные о статусе: титулатура фиксировала притязание на определённое положение, печать удостоверяла заявленный статус владельца, а одежда, оружие и награды делали его визуально распознаваемым. Соотношение этих признаков позволяет выявлять способы обозначения и подтверждения статуса. В университетском курсе такие источниковые комплексы могут использоваться для разбора конкретных исторических проблем; в таблице 1 соотнесены виды свидетельств, процедуры их критики и обосновываемые на этой основе выводы.

Таблица 1 – Источниковые комплексы и процедуры их анализа в университетском курсе Новой истории Казахстана

Историческая проблема	Источниковый комплекс	Аналитическая процедура	Результат анализа
Российско-казахские отношения	Письма, синхронные переводы, административная переписка	Сопоставление опубликованного оригинала, синхронного перевода, археографического комментария и обстоятельств обращения	Различение трактовок покровительства и подданства
Ханская власть	Серии писем, титулатура, круг адресатов, опубликованные изображения и описания печатей	Серийное и формулярное сопоставление; анализ печатей в пределах опубликованных данных	Соотношение династического титула и фактического политического влияния
Кочевое хозяйство	Топонимы, места составления писем, сведения о пастбищах и маршрутах	Пространственная локализация и сопоставление разновременных свидетельств	Выявление сезонной мобильности и пространственной организации хозяйства
Социальная структура	Генеалогические материалы, переписка, административные сведения	Просопографическое и сравнительное сопоставление	Выявление династических и нединастических оснований общественного авторитета

Статус элиты	Печати, грамоты, одежда, оружие, награды и изображения	Критика вещественных и визуальных свидетельств с учётом происхождения и датировки	Определение способов обозначения и подтверждения статуса
--------------	--	---	--

Источник: составлено автором на основе трудов И. В. Ерофеевой [2–4; 6–10; 12–13].

Таблица 1 обобщает логику анализа: исторический вывод формируется после установления происхождения источника и его сопоставления со свидетельствами другого типа. Для российско-казахских отношений ключевым является сравнение письма, перевода и административного контекста; для ханской власти — серийный анализ корреспонденции, титулатуры и печатей; для хозяйства и социальной структуры — сопоставление эпистолярных, топонимических, генеалогических и административных данных. Такой подход позволяет использовать источники в университетском курсе не как иллюстрации, а как основу для определения возможностей и пределов исторического вывода.

Обсуждение. В литературе о научном наследии И.В. Ерофеевой преобладают мемориальные очерки, рецензии и исследования отдельных направлений её деятельности. А. Моррисон, С.А. Панарин и К. Ускенбай подчёркивают прежде всего расширение документальной базы истории Казахстана, археографическую подготовку источников, точность атрибуции и проверку фактических сведений [15–17]. Ж.Б. Кундакбаева и А.А. Нуратай рассматривают наследственную элиту казахского общества, уделяя основное внимание династическому статусу и положению төре [18, с. 21]. При этом взаимосвязь конкретных операций источниковой критики — серийного чтения корреспонденции, анализа переводов, формуляра, титулатуры и других свидетельств — самостоятельного систематического рассмотрения в этих работах не получила.

Рецензия Г.Г. Косача на монографию «Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик» показывает, что введение в научный оборот значительного и атрибутированного корпуса документов не устраняет различий в исторической интерпретации [19, с. 194]. Полемика вокруг мотивов и политического курса Абулхаира позволяет разграничить проверяемость документальной основы и интерпретацию событий: один и тот же корпус источников задаёт пределы аргументации, но не предопределяет единственного объяснения.

Работа С.Н. Абашина дополняет историографический контекст критикой имперской и национальной телеологии в исследованиях Центральной Азии [20]. Этот подход соотносится с принципом источниковой критики, представленным в трудах И.В. Ерофеевой: ни российская административная документация, ни местное происхождение письма или генеалогического материала не рассматриваются как самостоятельная гарантия достоверности; значение источника определяется его происхождением, назначением, обстоятельствами создания и возможностью проверки по другим свидетельствам [1; 2; 14]. Материалы международной конференции 2025 года, посвящённой памяти И.В. Ерофеевой, отражают широкий спектр направлений её научного наследия, однако взаимосвязь конкретных источниковедческих процедур не являлась самостоятельным предметом издания [21].

Таким образом, литература достаточно полно характеризует археографическое наследие И.В. Ерофеевой, её вклад в изучение ханской власти, российско-казахских отношений и наследственной элиты. Менее подробно исследована взаимосвязь серийного чтения корреспонденции, анализа формуляра и переводов, сопоставления титулатуры, печатей, топонимических, административных, вещественных и визуальных источников. В настоящей статье эта взаимосвязь рассматривается как последовательность перехода от критики отдельного документа к проверяемому историческому выводу и как основа для работы с источниками в университетском курсе.

Проведённый анализ дополняет оценки научного наследия И.В. Ерофеевой, традиционно акцентирующие расширение документальной базы истории Казахстана и археографическую подготовку источников [15–17]. Значение опубликованного ею эпистолярного корпуса состоит в возможности серийного анализа взаимосвязанных писем, снабжённых переводами, факсимиле,

биографическими сведениями и комментариями [2]. При этом состав корпуса неравномерен: документы, связанные с российскими учреждениями, представлены полнее, чем материалы о контактах с Цинской империей и среднеазиатскими ханствами [2, т. 1, с. 605]. В настоящей статье эта неравномерность определяется как архивная асимметрия: количественное преобладание документов российской стороны не может само по себе служить доказательством изначально заданной внешнеполитической ориентации казахской элиты.

Не менее важно разграничение исходного текста и синхронного русского перевода, который мог содержать сокращения, пропуски и иные соответствия дипломатических понятий [2, т. 1, с.31–36, 65–68]. Поэтому политико-правовой смысл обращения устанавливается с учётом оригинала, адресата, обстоятельств и серийного сопоставления писем. Такой подход уточняет и соотношение династического статуса с фактической властью: положение хана зависело не только от чингизидского происхождения, но и от поддержки родовых объединений, военной репутации, посреднических возможностей и выполнения обязательств перед сторонниками [2; 3; 18]. Совокупность этих признаков в настоящем исследовании обозначается как полицентрическая конфигурация власти; понятие полицентричности является авторским обобщением и не приписывается непосредственно И.В. Ерофеевой.

В рассмотренных трудах политические процессы соотносятся с хозяйственной и пространственной организацией степного общества. Обращения по поводу пастбищ, перекочёвок, возвращения людей и скота, безопасности караванов и торговли раскрывают материальные обстоятельства дипломатических решений [2; 4; 9]. Учреждение округов, дистанций и пограничных линий затрагивало не только управление, но и доступ к хозяйственным ресурсам. При этом последствия преобразований не сводятся ни к единой траектории упадка, ни к последовательной модернизации: новые административные институты, рынки и каналы посредничества сочетались с сохранявшимся значением происхождения, военной репутации и местного признания.

Реконструированная источниковедческая процедура исходит из ограничений каждого типа свидетельств. Письмо отражало позицию автора и коммуникативную задачу обращения, административный документ — задачи учреждения, а свидетельство путешественника зависело от целей поездки и условий наблюдения [5; 13]. Поэтому доказательность вывода определялась не происхождением источника, а возможностью его проверки по материалам другого типа. Такое взаимное сопоставление позволяет ограничить влияние телеологических и героико-мифологических интерпретаций [1; 14; 20], однако не исключает возможности разных объяснений: полемика вокруг политики Абулхаира показывает, что атрибутированный корпус документов задаёт про-веряемые основания научного спора, но не предопределяет единственной интерпретации [3; 19].

Ограничения связаны и с составом источников: письма преимущественно отражают позиции правящей элиты, административные документы — интересы учреждений, а вещественные и визуальные свидетельства — главным образом статусные группы. Опыт рядовых скотоводов, служебно-зависимых групп и женщин вне правящей династической среды представлен слабее и преимущественно косвенно. Кроме того, исследование основано на целевой выборке публикаций И.В. Ерофеевой и не включает самостоятельную палеографическую, сфрагистическую или филологическую экспертизу оригиналов. В университетском курсе такой материал позволяет проследить путь от критики источника и оценки его ограничений к сопоставлению свидетельств и формулированию аргументированного исторического заключения.

Заключение. Проведённое исследование позволило реконструировать последовательность источниковедческих операций, использовавшихся в трудах И.В. Ерофеевой при переходе от отдельного документа к историческому заключению. Она включала установление происхождения и назначения источника, анализ его языка и адресата, сопоставление эпистолярных, административных, нарративных, топонимических, вещественных и визуальных свидетельств и проверку полученного вывода по материалам другого типа. Особое значение имело сопоставление исходного текста с современным ему переводом, в котором политико-правовое содержание дипломатического обращения могло передаваться иначе. Выводы настоящей статьи ограничены

составом целевой выборки публикаций И.В. Ерофеевой и отсутствием самостоятельной палеографической, сфрагистической и филологической экспертизы оригиналов.

Реконструированные исследовательские процедуры позволяют соотнести отдельные стороны политической и социально-экономической истории Казахстана XVIII — середины XIX века. Российско-казахские отношения в рассмотренных трудах характеризуются изменчивостью договорённостей, участники которых по-разному понимали покровительство, верность и подданство. Династический титул сам по себе не определял фактический объём ханской власти: политическое влияние зависело от признания со стороны родовых объединений, военной репутации, посреднических возможностей и способности обеспечивать безопасность и доступ к ресурсам. Сезонная мобильность, пастбищные маршруты, торговля и хозяйственная кооперация составляли материальные условия политического взаимодействия, тогда как новые административные институты сочетались с сохранявшимся значением локального признания и династического статуса.

В университетском курсе научное наследие И.В. Ерофеевой может использоваться как материал, позволяющий проследить последовательный переход от постановки исторической проблемы к критике источника, взаимной проверке свидетельств и формулированию аргументированного заключения. В дальнейшем этот подход может быть развит в виде проблемных учебных модулей, построенных на отдельных сериях документов, с последующей эмпирической оценкой их образовательных результатов.

Список использованной литературы

1. Ерофеева И. В. События и люди Казахской степи периода XVIII — середины XIX вв. как объект новейшего мифотворчества // *Отан тарихы*. 2004. № 1. С. 31–34.
2. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. 1675–1821 годов: сборник исторических документов / введение, биографические очерки, комментарии, составление и ответственная редакция И. В. Ерофеевой. В 2 т. Алматы: АБДИ Компани, 2014.
3. Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 336 с.
4. Ерофеева И. В. Социально-экономическое развитие казахского общества в XVIII — середине XIX вв. // *История Казахстана с древнейших времён до наших дней: очерк*. Алматы: Дәуір, 1993. С. 186–201.
5. *История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 5. Немецкие исследователи в Казахстане. Ч. 1* / пер. с нем. Л.А. Захаровой; сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006. 408 с.
6. *Историко-культурный атлас казахского народа* / отв. ред. И. В. Ерофеева; редкол.: Л.Е. Масанова, Б. Т. Жанаев. Алматы: Print-S, 2011. 300 с.
7. Ерофеева И. В. Исторический опыт Российского государства по инкорпорации nomadов // *Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: материалы международной научной конференции*. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 94–111.
8. Ерофеева И. В. Характер торговли и формирование купеческого сословия в городах Северо-Восточного Казахстана в XIX в. // *Обменные операции в городах Сибири периода феодализма*. Новосибирск, 1990. С. 112–132.
9. Ерофеева И. В. Историческая топонимика Казахстана как составная часть культурного наследия nomadов // *Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: материалы международной научной конференции*. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 66–80.
10. Ерофеева И. В. Символы казахской государственности: позднее средневековье и новое время. Алматы: Аркаим, 2001. 152 с.
11. *Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: материалы международной научной конференции* / отв. ред. И. В. Ерофеева, Л. Е. Масанова. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 204 с.

12. Ерофеева И. В., Усманова Э. Р. Внешние знаки отличия правящей казахской элиты XVIII — первой четверти XIX вв. // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. 1675–1821 годов. Т. 1. Алматы: АБДИ Компани, 2014. С. 643–668.

13. Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII — середины XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, И. М. Самигулин. Астана: ТОО «Общество инвалидов — Чернобылец», 2012. 757 с.

14. Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 296 с.

15. Morrison A. Irina Viktorovna Erofeeva (1953–2020) // *Central Asian Survey*. 2021. Vol. 40. №. 3. P. 474–476. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.1915681>

16. Панарин С. А. «Казахский народ должен ей низко поклониться»: Ирина Викторовна Ерофеева (1953–2020) // *Восток (Oriens)*. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 4. С. 231–241. <https://doi.org/10.31857/S086919080014031-1>

17. Ускенбай К. In Memoriam. Памяти Ирины Викторовны Ерофеевой (1953–2020) // *Қазақстан археологиясы*. 2020. № 4 (10). С. 144–150. <https://doi.org/10.52967/akz2020.4.10.144.150>

18. Kundakbayeva Zh. B., Nuratai A. A. The Hereditary Elite of the Kazakh Society of the XVII–XIX Centuries in the Scientific Heritage of Irina Erofeeva // *Nomadic Civilization: Historical Research*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 20–37. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2021-1-2-20-37>

19. Косач Г. Г. Рецензия на книгу: И. В. Ерофеева. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик // *Восток (Oriens)*. 2000. № 3. С. 192–200.

20. Абашиин С. Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456–471.

21. Историко-культурное наследие великой степи: опыт, проблемы и перспективы исследований: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой памяти И.В. Ерофеевой. Усть-Каменогорск: издательство «Берел» ВКУ им. С. Аманжолова, 2025. 219 с.

References

1. Erofeeva I. V. (2004). *Sobytiya i lyudi Kazakhskoi stepi perioda XVIII – serediny XIX vv. kak obekt noveishego mifotvorchestva* [Events and people of the Kazakh Steppe from the eighteenth to the mid-nineteenth century as an object of contemporary myth-making]. *Otan tarihy*, 1, 31–34. (in Russian).

2. Erofeeva I. V. (Ed. and Comp.). (2014). *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyashchei elity. 1675–1821 godov: sbornik istoricheskikh dokumentov* [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite, 1675–1821: A collection of historical documents]. 2 vols. *Almaty: ABDI Kompani*. (in Russian).

3. Erofeeva I. V. (1999). *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel' i politik* [Khan Abulkhair: Commander, ruler, and politician]. *Almaty: Sanat*. 336 p. (in Russian).

4. Erofeeva I. V. (1993). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie kazakhskogo obshchestva v XVIII – seredine XIX vv.* [Socioeconomic development of Kazakh society from the eighteenth to the mid-nineteenth century]. In *Istoriya Kazakhstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei: ocherk* [History of Kazakhstan from ancient times to the present: An essay] (pp. 186–201). *Almaty: Dauir*. (in Russian).

5. *Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII–XX vv. T. 5. Nemetskie issledovateli v Kazakhstane. Ch. 1* [History of Kazakhstan in Western sources from the twelfth to the twentieth century. Vol. 5. German researchers in Kazakhstan. Part 1]. (2006). L. A. Zakharova (Trans.), I. V. Erofeeva (Comp.). *Almaty: Sanat*. 408 p. (in Russian).

6. Erofeeva I. V. (Ed.), Masanova L. E., & Zhanaev B. T. (Editorial Board). (2011). *Istoriko-kul'turnyi atlas kazakhskogo naroda* [Historical and cultural atlas of the Kazakh people]. *Almaty: Print-S*. 300 p. (in Russian)

7. Erofeeva I. V. (2007). *Istoricheskii opyt Rossiiskogo gosudarstva po inkorporatsii nomadov* [The historical experience of the Russian state in incorporating nomads]. In I. V. Erofeeva & L. E. Masanova (Eds.), *Fenomen kochevnichestva v istorii Evrazii. Nomadizm i razvitie gosudarstva: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The phenomenon of nomadism in the history of Eurasia: Nomadism and state development. Proceedings of the international scientific conference] (pp. 94–111). *Almaty: Daik-Press*. (in Russian).

8. Erofeeva I. V. (1990). *Kharakter torgovli i formirovanie kupecheskogo sosloviya v gorodakh Severo-Vostochnogo Kazakhstana v XIX v. [The nature of trade and the formation of the merchant estate in the cities of northeastern Kazakhstan in the nineteenth century]*. In *Obmennyye operatsii v gorodakh Sibiri perioda feodalizma [Exchange transactions in Siberian cities during the feudal period]* (pp. 112–132). Novosibirsk. (in Russian).
9. Erofeeva I. V. (2014). *Istoricheskaya toponimika Kazakhstana kak sostavnaya chast' kul'turnogo naslediya nomadov [Historical toponymy of Kazakhstan as a component of the cultural heritage of nomads]*. In *Problemy izucheniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Kazakhstana i Tsentral'noi Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Problems in studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia: Toponymy, epigraphy, and art. Proceedings of the international scientific conference]* (pp. 66–80). Almaty: EVO PRESS. (in Russian).
10. Erofeeva I. V. (2001). *Simvoly kazakhskoi gosudarstvennosti: pozdnee srednevekov'e i novoe vremya [Symbols of Kazakh statehood: The late Middle Ages and the modern period]*. Almaty: Arkaim. 152 p. (in Russian).
11. Erofeeva I. V., & Masanova L. E. (Eds.). (2007). *Fenomen kochevnichestva v istorii Evrazii. Nomadizm i razvitie gosudarstva: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [The phenomenon of nomadism in the history of Eurasia: Nomadism and state development. Proceedings of the international scientific conference]*. Almaty: Daik-Press. 204 p. (in Russian).
12. Erofeeva I. V., & Usmanova E. R. (2014). *Vneshnie znaki otlichiya pravyashchei kazakhskoi elity XVIII – pervoi chetverti XIX vv. [External insignia of the ruling Kazakh elite from the eighteenth to the first quarter of the nineteenth century]*. In *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyashchei elity. 1675–1821 godov [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite, 1675–1821]* (Vol. 1, pp. 643–668). Almaty: ABDI Kompani. (in Russian)
13. Erofeeva I. V., Zhanaev B. T., & Samigulin I. M. (Comps.). (2012). *Putevye dnevniki i zapiski rossiiskikh chinovnikov i issledovatelei o Kazakhskoi stepi XVIII – sere diny XIX veka [Travel diaries and notes of Russian officials and researchers on the Kazakh Steppe from the eighteenth to the mid-nineteenth century]*. Astana: TOO “Obshchestvo invalidov – Chernobylets”. 757 p. (in Russian).
14. Masanov N. E., Abylkhozhin Zh. B., & Erofeeva I. V. (2007). *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoi istoriografii Kazakhstana [Scholarly knowledge and myth-making in the contemporary historiography of Kazakhstan]*. Almaty: Daik-Press. 296 p. (in Russian).
15. Morrison A. (2021). *Irina Viktorovna Erofeeva (1953–2020)*. *Central Asian Survey*, 40(3), 474–476. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.1915681>
16. Panarin S. A. (2021). “Kazakhskii narod dolzhen ei nizko poklonit'sya”: Irina Viktorovna Erofeeva (1953–2020) [“The Kazakh people should bow low to her”: Irina Viktorovna Erofeeva (1953–2020)]. *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 4, 231–241. <https://doi.org/10.31857/S086919080014031-1> (in Russian).
17. Uskenbai K. (2020). *In memoriam. Pamyati Iriny Viktorovny Erofeevoy (1953–2020) [In memoriam: In memory of Irina Viktorovna Erofeeva (1953–2020)]*. *Qazaqstan arkheologiyasy*, 4(10), 144–150. (in Russian). <https://doi.org/10.52967/akz2020.4.10.144.150>
18. Kundakbayeva Zh. B., & Nuratai A. A. (2021). *The Hereditary Elite of the Kazakh Society of the XVII–XIX Centuries in the Scientific Heritage of Irina Erofeeva. Nomadic Civilization: Historical Research*, 1(2), 20–37. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2021-1-2-20-37>
19. Kosach G. G. (2000). *Retsenziya na knigu: I. V. Erofeeva. Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel' i politik [Book review of I. V. Erofeeva's Khan Abulkhair: Commander, ruler, and politician]*. *Vostok (Oriens)*, 3, 192–200. (in Russian).
20. Abashin S. N. (2008). *Razmyshleniya o “Tsentral'noi Azii v sostave Rossiiskoi imperii” [Reflections on “Central Asia within the Russian Empire”]*. *Ab Imperio*, 4, 456–471. (in Russian).
21. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikoi stepi: opyt, problemy i perspektivy issledovaniy: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati I. V. Erofeevoy*

[Historical and cultural heritage of the Great Steppe: Experience, problems, and research prospects. Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of I. V. Erofeeva]. (2025). Ust-Kamenogorsk: Berel Publishing House, S. Amanzholov East Kazakhstan University. 219 p. (in Russian).

FTMAP / MPHTI / IRSTI 03.09.55

ӘӨЖ/УДК/ UDC: 9(с)77 С 52

<https://doi.org/10.51889/2959-6017.2026.90.3.022>

А.М. Сманова ¹, Ж.К. Ахметова ^{*2}

¹Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті,
Тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Алматы қ., Қазақстан Республикасы
E-mail: aigulsmanova123@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8241-9256>

²Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті
Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор
Алматы қ., Қазақстан Республикасы
E-mail: akhmetova.zhanat73@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6671-1954>

XX Ғ. БАСЫНДАҒЫ ҰЛТТЫҚ ИДЕЯНЫҢ ҚАЗІРГІ ОТАНДЫҚ ТАРИХТА ОҚЫТЫЛУ МӘСЕЛЕСІ (Академик К. Нұрпейістің зерттеулері мысалында)

Аңдатпа

Мақалада академик Кеңес Нұрпейістің ғылыми зерттеулері бойынша, XX ғасырдың басындағы қазақ зиялы қауым өкілдерінің автономиялы мемлекет құру жолындағы күресі мен ұлттық идеяларының қазіргі ұлттық тарихта оқытылу мәселесі туралы қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – Алаш қозғалысының негізгі ұлттық идеологиясын, қозғалысының саяси бағдарламасын, қайраткерлерінің ұлттық тәуелсіздік жолындағы күресі мен рөлін терең зерттеген ғалым Кеңес Нұрпейісұлының ғылыми еңбектерінің ұлттық тарихты оқытудағы маңыздылығын көрсету. Тарихи таным әдістемесі құрылымының элементтерін сипаттайтын академик Кеңес Нұрпейістің ғылыми мұраларындағы ақиқатқа ұмтылу, проблеманы шешу, мақсат қою, объективтілік, эмпиризм, тарихи-теоретизм, жаңашылдық әдістерін қолдану мақаламыздың әдіснамалық негізін құрайды. Кеңестер билік құрған тұста идеологиямен тұншықтырылып, қуғын-сүргінге ұшыраған, одан қала берді «күпия» белгімен жасырып тастаған тарихымыздың «ақтаңдақ» беттері жетерлік. Солардың ішіндегі маңыздыларының бірі, әрине ол – зиялы қауым өкілдері. Қазақ халқының саяси және ұлттық санасын оятуды мақсат етіп қойған, «Оян қазақ!» деп ұрандатқан, елімізде «Алаш қозғалысы» деп танылған ұлттық интеллигенттеріміздің тәуелсіздік жолындағы күрескерлігін алғашқылардың бірі болып зерттеген Кеңес Нұрпейісұлының «Алаш һәм Алашорда» монографиясы басшылыққа алынды. Еліміз тәуелсіздігін алғалғаннан кейінгі тарихымыздың қайта жаңғыруы мен қайта жазылуы және оның ұлттық тарихта оқытылу мәселесі сараланды. XX ғасырдың басындағы саяси қозғалыстардың, саяси партиялардың тарихы мен ұстанымдары ұлтымыз үшін де, ұлттық тарихымыз үшін де, ұлтжандылығымыз, тіпті ұлтымыздың болашағы үшін де маңызды мәселе. Сондықтан ұлттық идеяның, қазақ тарихының, қала берді қазақ ғылымының іргетасын қалаған зиялы қауым өкілдерінің ұлт болашағы үшін атқарған жұмыстарын ғылыми тұрғыдан